

А. С. БОГОМОЛОВ

Неореализм в философии Б. Рассела

Б. Рассел (род. в 1872 г.), пожалуй, наиболее крупный философ из всех представителей неореализма. Вместе с тем он крупный математик, логик, политический писатель. Аристократ по происхождению, английский лорд, он писал о германской социал-демократии и большевизме, основаниях математики и границах человеческого разума, логике и истории философии. При этом как его политические взгляды, так и философия претерпели ряд изменений, иной раз весьма разных.

Наиболее существенны в философском развитии Рассела, два периода: ранний, неореалистический, и поздний, позитивистский. При этом надо учитывать, что переход Рассела к неопозитивизму, или «логическому позитивизму», *не означал полного отказа от неореализма*. Это проявляется, в частности, в том, что Рассел и в последний период своей деятельности не отказался от такой задачи философии, как открытие «структуры реальности», — задачи, игнорируемой неопозитивизмом как «метафизика». Не принял Рассел и таких крайних неопозитивистских выводов, как отождествление проверяемости (верифицируемости) и истинности предложения и конвенционализм. Кроме того, следует сказать, что в этот второй период в философии Рассела возобладали аналитические интересы, занимавшие его и раньше, но не получившие вначале столь всеобъемлющего значения. Примененный сначала в математике аналитический метод был затем перенесен Расселом в философию. Вместе с тем Рассел изменил постепенно и ряд своих философских положений, в частности свою позицию относительно общих понятий, природы «нейтрального материала», став ближе к махизму, а в конце его философской эволюции к юмистскому агностицизму.

Мы остановимся здесь на теоретико-познавательных взглядах Рассела, находящихся в русле неореализма. Они выражены яснее всего в работе «Проблемы философии» (1912).

Философские взгляды раннего Рассела сформировались в непосредственной зависимости от взглядов Дж. Мура. В «Принципах математики» он писал: «Моя позиция по основным вопросам философии, во всех основных чертах, вытекает из философии г-на Дж. Э. Мура»*. В предисловии к «Проблемам философии» Рассел также ссылается на неопубликованные тогда еще лекции Мура, напечатанные в 1953 г. под заглавием «Некоторые основные проблемы философии», о которых мы имели уже случай упомянуть. В частности, Рассел согласен с Муром относительно того, что мы непосредственно знакомы с чувственными данными, но не с физическими объектами.

Рассуждения Рассела в работе «Проблемы философии» во многом повторяют рассуждения Мура в «Опровержении идеализма». Анализируя ощущение, Рассел выделяет в нём объективный элемент, «содержание ощущения», соответствующий «объекту» Мура. Так, он говорит, что «цвет сам по себе является содержанием ощущения, но не ощущением. Цвет является тем, что мы непосредственно знаем, и вот это знание и является ощущением»**. Но содержания ощущений не тождественны с самим предметом; поэтому встает проблема связи между реальной вещью и содержанием ощущений.

В раскрытии этого отношения между Расселом и Муром появляется разногласие. Если Мур, исходя из «здорового смысла», признает существование физических объектов, то Рассел предпочитает считать их просто «научной гипотезой», приемлемой только потому, что она простейшая. «В известном смысле должно быть допущено, что мы никогда не сможем *доказать* существование других вещей, кроме нас самих и нашего опыта»***, — утверждает он. Вместе с тем «не аргументами убеждаемся мы первоначально в существовании независимого от нас мира. Это убеждение мы находим уже готовым в себе, когда мы начинаем размышлять; мы могли бы назвать его инстинктивным»****. И это не единственное наше инстинктивное убеждение; одни из них сильнее других, другие слабее, третьи только кажутся инстинктивными. Исследовать их — задача философии.

«Философия должна вскрыть иерархию наших инстинктивных убеждений, начиная с наиболее сильных, и выявить их в их самостоятельности, по возможности освобождая от ненужных наслоений»*****. Это можно сделать, по Расселу, путем анализа познания. Анализируя познание, Рассел приходит, во-первых, к уже знако-

* *Passmore J. A. Hundred Years of Philosophy. London, 1957. P. 288.*

** *Рассел Б. Проблемы философии. М., 1915, С. 9.*

*** Там же. С. 17.

**** Там же. С. 18.

***** Там же.

тому нам неореалистическому различению *акта* познания и *предмета* его, — тому различению, которое упустил из вида Беркли, а за ним «субъективизм» вообще. Во-вторых, Рассел различает два вида знания: знание-знакомство и знание по описанию.

Первое — непосредственное познание, не идущее дальше содержания ощущений. Второе — то знание, посредством которого мы получаем знание о физических вещах и содержании чужого сознания.

«Все наше знание, как знание вещей, так и знание суждений (истины), строится на знании-знакомстве, как на своем фундаменте»*. В соответствии с этим, утверждает Рассел, «основной принцип в анализе положений, содержащих описание, гласит: каждое предложение, которое мы можем понять, должно состоять лишь из составных частей, непосредственно нам знакомых»**. Но если это так и если мы знаем только содержание наших ощущений, то наше знание оказалось бы гораздо более ограниченным, чем на самом деле. Фактически мы знаем нечто сверх наших ощущений. Что же?

Рассел пишет: «Наше знание суждений требует знакомства с чем-то существенно отличающимся от содержания ощущений, с чем-то, что иногда называется абстрактными идеями, но что мы будем называть “универсалиями” (общими понятиями)»***. Таков первый путь, приводящий Рассела к неореалистическому признанию объективного существования общих понятий.

Второй путь к признанию объективности общих понятий лежит через анализ логических законов. Эти законы, по Расселу, являются априорными, то есть доопытными. В обоснование этого он приводит тот довод, что законы логики касаются не только мышления, но и вещей. Эта мысль давно известна материализму, исходящему из теории отражения. Законы и формы логики, согласно диалектическому материализму, проистекают из практики, закрепляющейся в сознании людей в виде этих законов и форм. Но Рассел, не признающий теории отражения и отрицающий роль практики в теории познания, вынужден для «объяснения» необходимости законов мышления постулировать существование мира общих понятий, логических сущностей. «Дело по-видимому заключается, — пишет он, — в том, что все наше знание априори касается чего-то такого, что, говоря точно, не может существовать ни в духовном, ни в физическом мире»****. Мир, в котором они существуют, — мир универсалий.

Рассел красочно описывает этот «мир» — «мир бытия, неизменный, строгий, точный, увлекательный для математика, логика,

* Там же. С. 36.

** Там же. С. 44.

*** Там же. С. 36.

**** Там же. С. 67.

творца метафизических систем и для всех, возлюбивших совершенство больше жизни. Мир бытия изменчив, неопределенен, без точных границ, без всякого ясного плана-системы, но он содержит все чувства и мысли, все содержания ощущений, все физические предметы <... > все, что изменяет ценность жизни и мира. В зависимости от нашего характера мы отдадим предпочтение созерцанию одного или другого мира. И тот из них, который не заслужит нашего предпочтения, вероятно, покажется нам слабым отражением предпочтенного нами и едва ли достойным названия реального — в каком бы то ни было смысле. Но, по справедливости, оба мира имеют право притязать на наше беспристрастное внимание, и оба важны для метафизики»*.

Рассел говорит, что существование универсалий не зависит от способа, каким их мыслят, и что они не принадлежат ни к материальному, ни к духовному миру. К универсалиям принадлежат качества (белизна, треугольность) и отношения (сходство, между, к северу от и т. д.). Вот как, например, Рассел доказывает, что отношение не материально и не духовно.

Он рассматривает суждение «Эдинбург лежит к северу от Лондона». Мы имеем здесь отношение между двумя местами. Оно существует независимо от нашего сознания; оно, как Рассел утверждает, «относится к независимому миру, который мышлением воспринимается, но не создается»**. И это совершенно верно. Но, рассуждает далее Рассел, когда и где существует это отношение? Оно существует не в том смысле, в каком существуют Эдинбург или Лондон; оно не существует ни в Эдинбурге, ни в Лондоне; оно не существует и в каком-то определенном времени, а это существование вне пространства и времени и есть существование, свойственное миру универсалий. «Все воспринимаемое чувствами или интроспекцией, — пишет Рассел, — существует в определенном времени. И таким образом, отношение “к северу от” резко отличается от всего этого. Оно не во времени и не в пространстве, оно не материально, и все же оно есть нечто»***.

Здесь учение об особом статусе отношений, пронизывающее логику отношений, известный вклад в которую сделал Рассел, оборачивается своей «онтологической» стороной.

Прием, к которому прибегает Рассел для доказательства нематериальности отношений, состоит в том, что он отрывает пространственное отношение между двумя городами — Эдинбургом и Лондоном, — от этих двух городов и превращает его в самостоятельную

* Там же. С. 74.

** Там же. С. 73.

*** Там же.

сущность, которая якобы не находится в пространстве и времени; он склонен мыслить отношение вне соотносящихся членов. Но это тот же самый отрыв общего от единичного и особенного, который был источником идеализма Платона. «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (совершенно в том же роде) современный идеализм... Раздвоение познания человека и *возможность* идеализма (=религии) даны уже в *первой, элементарной абстракции*»*. Рассел по существу лишь распространил платоновскую теорию идей, как чего-то оторванного от действительного мира на отношения.

Рассел основывается также на том факте, что отношения, хотя они объективно существуют, должны еще быть *выявлены* человеком; отношения «к северу от» не существует для животного в смысле его осознанности и сознательного учета, — животное не знает географических координат. Но оно приспособливается к физическим условиям, разнящимся в зависимости от этого пространственного отношения. Абсолютизация Расселом момента выявления человеком определенных отношений и ведет его к идее «мира универсалий».

Идея эта выглядит еще более нелепой, если мы возьмем, скажем, отношение родства. Ведь по логике Рассела отношение родителей и детей не материально и не духовно... Не аргумент ли это в пользу непорочного зачатия?

Вопрос об «онтологическом статусе» отношений решается диалектическим материализмом безо всякого «умножения сущностей», без обращения к «миру универсалий». Отношения, о которых рассуждает Рассел, в действительности столь же материальны, как и члены этих отношений, будучи связаны с *пространством*, этой формой, существования материи. Они пространственны, как на то указывает само название отношения «к северу от...». Оно существует и во времени, ибо отношения «Эдинбург находится к северу от Лондона» не существовало, когда не было ни Эдинбурга, ни Лондона; и оно будет существовать, пока будут существовать Лондон и Эдинбург. Ставя же вопрос о том, где находится отношение «к северу от» как таковое, Рассел попадает в тупик. Но он без труда нашел бы правильный ответ, приняв теорию отражения: отношение вообще, как и «дом вообще», есть абстракция, выражающая определенное закономерное отношение объективного мира. В частности, отношение «к северу от» превосходно выражается в системе географических координат.

* Ленин В. И. Философские тетради // Ленин В. И. Сочинения. Т. 38. М., 1958. С. 370.

Таковы в общем виде неореалистические взгляды Рассела в начале XX в. В своей автобиографии философ вспоминает, с каким восторгом он и Мур восприняли идеи неореализма. «С чувством освобождения из тюрьмы мы позволили себе думать, что трава зелена, что солнце и звезды существовали бы, если бы даже никто о них не знал, и что существует плюралистический, вневременной мир платоновских идей. Мир, до того тощий и логический, неожиданно стал богатым, разнообразным и прочным»*. Но, иронически замечает Дж. Пассмор, «собственный расселовский мир, как мы увидим, был обречен быстро становиться все более «тощим и логическим»**. Это знаменовало переход Рассела на позиции логического позитивизма. Иначе говоря, развитие Рассела шло по линии все большего сужения области «реальности», признаваемой им. С методологической же стороны — это следствие приложения к философским вопросам «логического анализа».

Освещение взглядов Рассела, входящих в круг неопозитивистских идей, не относится уже к нашей теме, и мы укажем лишь основные тенденции дальнейшего развития мировоззрения Рассела, получившие выражение уже в неореалистический период. Эти тенденции были вначале связаны с логикой и математикой, затем — перенесены в область философии.

Рассел начал с применения средств логического анализа к математике. Это вызывалось необходимостью обоснования математики, выдвинутой развитием этой науки во второй половине XIX в. Еще в 1850-х гг. К. Вейерштрасс выдвинул идею строгого арифметического доказательства. В 1870–1880-х гг. Г. Фреге сделал попытку вывести законы арифметики из логики и средствами логики, тем самым выразив идею сведения математики к логике. Однако его система не только не решила поставленной задачи, но даже оказалась противоречивой. Это противоречие системы Фреге раскрыл Б. Рассел. Стремясь исправить систему Фреге, Рассел вместе с А. Н. Уайтхедом создает систему математической логики. Развивая далее идеи итальянского математика Дж. Пеано, который привел большую часть математики <...> к точной символической форме, в которой совершенно отсутствуют слова и для ее понимания достаточно трех символов: ноль, число и следующий... Рассел сделал следующий шаг, сказав, что и эти три понятия могут быть выражены посредством понятий отношения и класса. Используя эти понятия и «логические константы», такие как импликация (логическое следование) конъюнкция, дизъюнкция, отрицание и др., Рассел стремится пока-

* The Philosophy of B. Russell, ed. by P. Schilpp. New York, 1944. P. 17.

** Passmore J. A Hundred Years of Philosophy. London, 1957. P. 207.

зять, что в чистой математике исходные предложения или аксиомы совпадают с идеями и предложениями чистой логики.

Введение математической логики в исследование оснований математики, как и применение ее в других областях науки и техники, имело большое положительное значение. С ее помощью совершается выявление логических средств, применяемых в доказательствах, обосновывается их правомерность; достигается большая точность передачи мыслей; математическая логика позволяет решить ряд математических и технических задач <...>

Формалистическая трактовка математической логики Б. Расселом повела его к ряду неверных выводов. Во-первых, к утверждению, что математика совершенно не связана с опытом. «Чистая математика, — утверждает он, — состоит исключительно из утверждений следующего типа: если такое-то предложение верно по отношению к чему бы то ни было, то такое-то другое предложение верно также по отношению к этому чему-то. Ни вопрос о том, верно ли первое предложение, ни вопрос о том, что такое то, по отношению к которому это предложение верно, не касаются чистой математики; оба вопроса принадлежат к области математики прикладной. В чистой математике мы исходим из известных правил вывода, благодаря которым мы можем вывести, что если одно предложение верно, то верно и некоторое другое. Эти правила вывода составляют начала формальной логики. Затем мы избираем гипотезу, которая кажется правдоподобной, и выводим ее следствия. Если наша гипотеза относится не к одной или нескольким частным вещам, но к чему бы то ни было, то наши выводы составляют математику. Таким образом, математика может быть определена как доктрина, в которой мы никогда не знаем ни о чем мы говорим, ни то, верно ли, что мы говорим»*. Таким образом, математика совершенно отрывается от действительности и трактуется как чисто дедуктивная система, не претендующая на выражение знаний о мире. Этим смазывается различие между математикой как наукой о фиксированных количественных отношениях материального мира и логикой, или наукой о законах правильного мышления.

Однако дальнейшее развитие математики и логики показало, что надежды Б. Рассела на возможность полного сведения математики к логике оказались неосновательными. Более того, сама система Рассела, которую он считал чисто логической, включает в себя элементы, не являющиеся логическими, но относящиеся к материальной действительности, например, аксиома о бесконечности. Тем не менее Рассел перенес математическую логику в качестве

---

* Новые идеи в математике. 1917. № 1. С. 82–83.

универсального метода в философию. «Мы нуждаемся, — писал он, — в возможно более широком развитии математической логики, заимствующей от своего математического основания и точность и достоверность. Когда это будет успешно выполнено, явится полное основание надеяться, что ближайшее будущее составит для чистой философии такую же эпоху, какую для учения о началах математики являются последние десятилетия»*. Иными словами, применение математической логики к философии, сведение последней к логическому анализу должно было якобы сделать наконец философию наукой.

Уже в неореалистический период своего философского развития Рассел формулирует ряд положений, вначале выступавших как чисто логические, а затем перенесенных в философию. Первое из этих положений, сформулированное в логико-математических работах Рассела начала века, — это определение «факта» как «имеющегося налицо». Согласно этой точке зрения, «факт есть то, что делает утверждения истинными или ложными»**. В логике, имеющей применение к самой широкой предметной области, такое определение действительно имеет смысл, ибо подчеркивает равноправность перед ее лицом любых «объектов», о которых можно нечего высказать. Но перенеся это определение в область философии, Рассел, с одной стороны, подводит к идее «нейтральных элементов», «фактов вообще» и логических отношений между ними как предмета философского исследования; с другой стороны, утверждает, что «нашими данными являются прежде всего *факты чувственного познания****, что непосредственно ведет к субъективно-идеалистическому решению основного вопроса философии, как бы ни старался Рассел его обойти.

Проводя в дальнейшем анализ «фактов», с точки зрения их логической формы, структуры, выражаемой в суждении и противопоставляемой содержанию, которое якобы не может быть выражено в языке, Рассел и его соратники-позитивисты (Витгенштейн) пришли к «логическому атомизму», то есть попытке представить все факты в виде конструкций из «атомарных фактов». «Логический атомизм» оказывается субъективно-идеалистической философской системой, а его претензии на создание «научной философии» имеют результатом возрождение юмизма.

Вторым положением, имевшим по существу ту же направленность, была теория «неполных символов», сформулированная Расселом в статье «Об обозначении» («Mind», 1905). Рассел вводит по-

* Там же. С. 103.

** Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. С. 177.

*** Russell B. Our Knowledge of the External World. London, 1914. P. 72.

нятие «обозначающей фразы», то есть предложения типа: «любой человек», «все люди», «король Англии», «король Франции» и т. д. Для них характерно, что они не являются собственными именами, но в то же время могут выступать в качестве подлежащего предложения. Однако эти обозначающие фразы ни в коем случае нельзя считать названиями вещей или классов вещей. Это «неполные символы», которые только при дополнительных уточнениях могут образовать вполне правильные выражения. Так, предложение «все есть *C*» вовсе не означает, что существует некоторая вещь «все», имеющая свойство *C*. На деле это предложение означает: «для всех значений *X* истинно, что *X* есть *C*».

Та же мысль проводится Расселом в «Principia Mathematica» относительно понятия «класс». Сказать, что класс, «человек» включен в класс «смертных» вовсе не значит утверждать, что между этими двумя классами существует некоторое отношение. На деле, здесь мы имеем лишь краткое выражение предложения: «*X* смертен» есть функция от «*X* есть человек». Таким образом, Рассел приходит к выводу, что нет такой вещи, как «класс как единое», переходя на позиции номинализма.

Теория обозначения, развернутая далее в «теорию описаний» (дескрипций), получила впоследствии важное применение в философских построениях Рассела и его последователей-позитивистов. Рассматривая с этой точки зрения такой предикат, как «объект вообще», Рассел утверждает, что предложение типа «*X* есть объект» лишено научного смысла, так как не допускает правильной формализации, замены слова, «объект» переменной. Например, сказав «существует больше трех объектов, которые красны», мы можем выразить термин «объект» через переменную: «*X* красный»; в предложении же «в мире бесконечное число объектов» это невозможно.

В сфере логики исключение такого «неполного предиката» имеет определенный смысл, ибо в ней понятие «объект вообще» действительно бессодержательно. Однако абсолютизация такого приема и перенесение его в философию чревато глубокими заблуждениями. В философии понятие объективности имеет совершенно иной смысл, относясь к решению основного вопроса философии, а вовсе не является «неполным предикатом». И если утверждение о «непредсказуемости» объективности переносится в философию, это непосредственно ведет к субъективному идеализму.

В том же плане развивалась Расселом логическая интерпретация существования. Рассматривая «существование» как чисто логический фактор, Рассел утверждает, что предсказывание существования нецелесообразно, ибо ведет к путанице. Вместо этого, считает он, необходимо переводить предложения, содержащие общие име-

на, в предложения, описывающие эмпирические факты. Например, предложение «золотая гора не существует» подразумевает какое-то «существование»: *subsistence*, идеальное существование неореалистов, «внебытие» (Ausein) А. Мейнонга. На основе «теории описаний» Рассел приходит к отрицанию «идеального существования». Существование может утверждаться лишь относительно дескриптивных оборотов; нельзя говорить «золотая гора не существует», следует сказать: «предложение “нет такой сущности *C*, что *X* есть золотой и гористый” истинно, если $X=C$ »*. И если в логическом смысле в этом рассуждении нет ничего порочного, то, объединив «теорию описания» с юмистской теорией познания, согласно которой мы ничего не можем знать, кроме наших ощущений и условных символов, Рассел приходит к субъективному идеализму и агностицизму.

Из того, что нецелесообразно предципирование «идеального существования» несуществующих объектов, вовсе не вытекает нецелесообразность предципирования существования во всех других случаях, ибо объективное существование — важнейшая теоретико-познавательная характеристика.

Сводя содержание предиката «существование» к «данности» предмета или утверждения о нем сознания, неопозитивисты, развивавшие взгляды Рассела в этом направлении, усугубляют субъективизм, заложенный уже в этих взглядах.

Так происходит философская эволюция Рассела от неореализма к неопозитивизму, от объективного идеализма к субъективному. С этих новых его позиций невозможно претендовать на создание философии, рисующей картину мира.

С точки зрения «логического позитивизма», философия «не предлагает и не пытается предлагать решения вопроса человеческой судьбы или судьбы вселенной»**, но сводится к логическому анализу положений науки.

Между тем потребность в мировоззрении, в широком, всеобъемлющем взгляде на мир существует и в современном капиталистическом обществе. Она проистекает из потребностей объяснения места своего класса в нашем изменяющемся мире и обоснования его социальных задач. В философии неореализма такую задачу осуществлял представитель «космологической» ее линии.

* Рассел Б. История западной философии. М., 1959. С. 838.

** Russell B. Our Knowledge of the External World. London, 1914. P. 17.